

Буланов В. В.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ У Ф. НИЦШЕ МЕТОДОЛОГИИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/5.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 19-22. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

туры выглядят даже не столько феноменами, сколько эпифеноменами [Кребер, 2004, с. 703]. Одни явления культуры обретают свою специфическую форму вследствие исторической случайности, другие подчинены универсальным законам.

Гирц понимал культуру как символическую сеть и был близок к семиотическому подходу. «Понятие культуры, - писал он, - по существу является семиотическим. Признавая, вместе с Максом Вебером, что человек является существом, обвешанным паутиной значений, которую он сам сплел, я рассматриваю культуру как эту паутину, и анализ ее, поэтому, должен осуществляться не экспериментальной наукой, исследующей общие закономерности, а методом интерпретации исследуемых значений» [Geertz, p. 5]. Этнографическая практика, по мнению Гирца, укоренена в живых контекстах человеческих обществ, а не «в бескровных универсалиях» [Geertz, p. 43].

Концепция культуры у Плеснера основана на его философской антропологии. Он предлагает "научную философию жизни" как феноменологическое описание "ступеней органического". Живое отличается от неживого тем, что само определяет границы и функционирует внутри заданных границ.

Происхождение одной отдельной культуры не может служить масштабом для «генезиса» культурной сферы в целом. В этом случае противопоставлены друг другу две версии решения проблемы: спиритуалистический и натуралистический вариант возникновения культуры.

Таким образом, культурными универсалиями являются характерные для социокультурной практики культурные формы, которые отличаются сравнительным единообразием присущих им черт у различных народов. Они носят абстрактный характер. В культурном процессе универсалии эволюционируют от биологических и социальных потребностей человека и выражаются в абстрактной формуле, которая в каждом конкретном случае наполняется специфическим для неё содержанием. Культура, как глобальная универсалия, представляет собой виды деятельности, которые человек создаёт в процессе существования для удовлетворения потребностей.

Список литературы

Драмалиев Л. Существуют ли культурные универсалии? // Ежегодник философского общества в СССР, 1989–1990. Человек и человечество: духовные традиции и перспективы. М., 1990.

Кребер А. Л. Избранное: природа культуры / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Кребер А. Л., Клакхон К. Культура: критический обзор понятий и определений // Культурология: Дайджест / РАН. ИНИОН. М., 2000. № 1.

Geertz C. The Interpretation of Cultures. London: Hutchinson, 1975.

Kroeber A. L. The Nature of Culture. Chicago: The University of Chicago Press, 1952.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ У Ф. НИЦШЕ МЕТОДОЛОГИИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Буланов В. В.

ГОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия»

О методологии философствования Ницше написано очень много. Но даже современное разнообразие позиций по данной проблематике не снимает актуальность с исследования – толкования работы мысли и её результатов в отношении такого этого талантливого немецкого мыслителя. В частности с изучения формирования Ницше методологии генеалогического анализа. Тем более что позиции исследователей этого вопроса существенно расходятся, причем по двум взаимосвязанным аспектам.

С одной стороны, относительно оценки раннего творчества Ницше в качестве философа нет единства. В соответствии с этим ницшеведов можно разбить на две группы. Представители первой группы считают, что ранний Ницше ничего самобытного не создал. Правда, датировки начала философской зрелости разнятся. Согласно И. А. Эбаноидзе, период обретения самого себя и время зависимости от внешних влияний длился до конца лета 1877 года [Ницше, 2007, с. 137]. С точки зрения Р. Дж. Холлингдейла, лишь в 1878 году вышла первая самобытная работа Ницше — «Человеческое, слишком человеческое» [Холлингдейл, с. 33-34]. Б. В. Марков утверждает, что первой собственно ницшевской работой является «Утренняя заря» (1881 год) «Утренняя заря» (1881) считается первым аутентичным стилем Ницше произведением [Марков, с. 185]. В этом он во многом разделяет позицию М. Хайдеггера, считавшего, что "только в 1880-1883 гг. Ницше ... находит свою исходную позицию ... и тем самым — определяющий источник своей мысли" [Хайдеггер, т. 1, с. 13]. Другие исследователи, склонны признавать философскую значимость наследия раннего Ницше, но считают, что генеалогический метод создан им значительно позже [Можейко, с. 228]. И, наконец, третья группа ученых близка к признанию того, что важнейшие идеи и методы философствования Ницше находят свое отражение уже в раннем периоде его творчества. Марков видит истоки генеалогического анализа в размышлениях Ницше второго «Несвоевременного размышления» («О пользе и вреде истории для жизни») (1874). "Критически оценивая последствия историзма, Ницше обнаруживает в нем моральные предрассудки и односторонние ценностные ориентации, выдаваемые за абсолютные. Это приводит к необходимости генеалогического изучения морали [Марков, с. 185].

С другой стороны, следует отметить, что существует две трактовки генеалогического метода. Согласно первой из них, его применение касается лишь критики ценностей, лежащих в основе морали. Согласно В. П. Визгину, "генеалогия понимается Ницше как знание условий и обстоятельств происхождения моральных ценностей, используемое для их подрыва с помощью сведения их духовного смысла к материальным условиям его исторического бытования и с целью освобождения от них якобы «оклеветанной» ими жизни" [Визгин, с. 423]. Сторонники второй трактовки считают генеалогический метод основой ницшеанской критики не только морали, но и любой идеологии вообще. Ю. Хабермас утверждает: "У Ницше критика идеологии, ставшая тотальной, ... превращается в то, что он называет «генеалогической критикой»" [Хабермас, с. 135].

Неоднозначность оценок раннего творчества Ницше и сущности генеалогического метода этого неординарного философа, свидетельствуют о возможности выработки своей позиции по отношению к личности и философскому наследию данного мыслителя.

На первый взгляд правы те исследователи, которые считают генеалогический анализ новацией Ницше второй половины 1880-х годов, и относят к его предмету лишь толкование эволюции морали. На самом деле, термин «генеалогия» был Термин введен в оборот Ф. Ницше лишь в его работе «К генеалогии морали» (1887), и, в первую очередь, по отношению к моральным ценностям. "Нам необходима критика моральных ценностей, сама ценность этих ценностей должна быть однажды поставлена под вопрос, а для этого необходимо знание условий и обстоятельств, из которых они произросли, среди которых они развивались и изменялись" [Ницше, 2001, с. 306]., то есть их генеалогический анализ (о чем и свидетельствует название данной работы Ницше). Но генеалогический анализ эволюции моральных ценностей, является лишь частным случаем самой генеалогической сути мышления Ницше, как мышления, единственно допустимого для философа вообще. "Мои мысли о происхождении наших моральных предрассудков ... с самого начала возникли во мне ... из одного корня, из некоей ... требующей все большей определенности радикальной воли познания. Так единственно и подобает философу. Мы не имеем права быть в чем-то разрозненными: нам негоже ни заблуждаться в розницу, ни в розницу настигать истину" [Там же, с. 301-302]. Единственным залогом цельности философского мышления является, по Ницше, является генеалогичность.

Данное предположение неявно подтверждается и уточняется такими философами – ницшеведами, как Ж. Делёз, М. Фуко и К. Ясперс. Делёз фактически анализировал сущность философствования Ницше, как философствования, центрированного на генеалогическом анализе: "Ницше включает в философию два средства выражения — афоризм и стихотворение; формы, сами по себе подразумевающие новую концепцию философии, новый образ и мыслителя, и мысли. Идеалу познания, поискам истинного он противопоставляет толкование и оценку. Толкователь — это физиолог или врачеватель, тот, кто наблюдает феномены, как симптомы и говорит афоризмами. Ценитель — это художник, который наблюдает и творит "перспективы", говорит стихами. Философ будущего должен быть художником и врачевателем, одним словом, — законодателем" [Делёз, с. 22-23]. О том, что отказ от применения ницшевского генеалогического метода возможен лишь при особом типе мышления и мировоззренческих установок, писал Фуко. "Чтобы придать ценность ... теме, противопоставляющей живое качество истории «неподвижности» структур, их «закрытой» системе, их необходимой «синхронией», нужно, вероятно, отказаться в самом историческом анализе от использования прерывности, от определения уровней и границ, от описания специфических рядов, от выявления всевозможных различий. Следовательно, ... мы вынуждены интерпретировать Ницше в терминах трансцендентальной философии и низвести его генеалогию в плоскость поиска первоначала" [Фуко, с. 54]. Генеалогичность, как основное содержание философствования Ницше, отмечал и Ясперс: "Во-первых, идеи Ницше можно собирать в некое наличное целое необходимых мысленных связей, не учитывая хронологической последовательности их продумывания. Во-вторых, развиваясь на протяжении десятилетий, они могут быть рассмотрены в своей временной форме, составляющей целостность конкретной жизни. ... Каждая идея Ницше понятна, во-первых, в той мере, в какой известны предметные взаимосвязи ее модификаций, противоречий и возможностей развития; но, во-вторых, она вполне понятна только с учетом того момента, в который она продумывалась: при чтении всегда необходимо знать, когда было написано то, что читается" [Ясперс, с. 75]. Но самое интересное заключается в том, что уже в ранний период философствования, отмеченный увлечением идеями Р. Вагнера и учением А. Шопенгауэра, то есть до второй половины 1870-х годов Ницше в разных формах и постоянно демонстрирует генеалогичность своего мышления.

Генеалогичность как основное содержание своего философствования Ницше проявляет уже в черновиках и набросках, относимых к периоду работы над его первым крупным - «Рождение трагедии из духа музыки», то есть к 1869-1871 годам. Первое применение генеалогического анализа у Ницше (осень 1869) – заметки об эволюции искусства и литературы Древней Греции. Уже тогда (а 15 октября 1869 года ему исполнилось лишь 25 лет), начинающий философ стремился максимально полно учесть как все тенденции эволюции культуры античной Эллады, так все факторы, на данные перемены влиявшие. Во-первых, Ницше оперирует дихотомиями «подъем - упадок», «рост - распад» [Ницше, 2007, с. 13]. Во-вторых, Ницше утверждает, что здоровое развитие сферы культуры характеризуется сохранением цельности - оно должно идти путем дифференциации её форм, появившихся из одного истока [Там же]. Иными словами, "каждое искусство проходит часть пути в одиночку, а другую часть вместе с другими искусствами" [Там же, с. 21]. В-третьих, Ницше признает прогрессирующее усложнение культуры - "вырастание жанров искусства один из другого: каждый вновь расцветающий уничтожает более раннюю ступень" [Там же, с. 17]. Если анализировать «Рождение трагедии из духа музыки», то в ней легко обнаруживаются все три признака становления генеалогического

анализа. В данной работе Ницше пишет о подъеме (точнее, волнообразном развитии) древнегреческой культуры (следствие противоборства начала Аполлона и Диониса) [Ницше, 2001, с. 468-473] и её упадке (следствие торжества сократического начала) [Там же, с. 532-533]. По Ницше именно сохранением полярности и взаимодополнения начал Аполлона и Диониса обеспечивалась цельность культуры Древней Греции [Там же, с. 502]. Отмечает он и закономерность процесса усложнения культуры досократической Эллады: ведь признанием её искусства было вечное превращение всего ужасного в возвышенное, а нелепого в комичное [Там же, с. 497-498].

На втором этапе – до лета 1871 года – Ницше совершенствует генеалогический анализ. Сначала он приходит к выводу о необходимости в усилении критичности восприятия любых суждений. "Суждения, дошедшие до нас..., либо конгениальны, либо нет; в последнем случае они определяются как искажающие, обезличивающие, либо как панегирические, микрологические, враждебные и т.д." [Ницше, 2007, с. 48]. Как следствие Ницше приходит к выводу, что общепринятое, особенно вселяющее уверенность и успокаивающее, мнение искажает реальность. И он сразу же выступает в качестве врага любой утешающей иллюзии: "Мы не должны страшиться самых глубоких бездн, чтобы отыскать" истину [Там же, с. 89]. "Не исключено, что знание этого наполнит нас ужасом. Ведь такой ужас является почти что необходимым спутником всякого углубленного знания" [Там же, с. 306]. По Ницше это оправдано: "Больше всего мне важна ясность" [Там же, с. 102]. В «Рождении трагедии...» данная установка выражена в форме критики схематизма Сократа, согласно которому "добродетельный герой должен быть диалектиком, между добродетелью и знанием, верой и моралью должна быть ... связь" [Ницше, 2001, с. 533]. Ницше считает, что сократизм искажает восприятие реальности, защищая от страстей [Там же, с. 556] и насаждая иллюзию тотальной познаваемости мира [Там же, с. 537].

При этом генеалогический анализ уже в эти годы делится на два типа: историко-культурный и филологический. Как историк культуры – генеалог, Ницше пишет: "я без тени сомнения позволяю себе определять диспозицию для возникновения *единого* великого произведения искусства, перескакивая через тысячелетия так, будто они абсолютно нереальны" [Ницше, 2007, с. 169]. Пример применения историко-культурного типа генеалогического подхода в «Рождении трагедии...» - анализ пагубного влияния сократизма на всю последующую эволюцию европейской культуры [Ницше, 2001, с. 528, 535]. Как сторонник применения генеалогического анализа в филологии, он замечает: "В каждом языке понятие прекрасного развивается из разных первичных значений, напр. из значений «чистое» или «сияющее» (противоположности — «грязное» и «темное»)" [Ницше, 2007, с. 129]. В «Рождении трагедии...» филологический тип генеалогического анализа Ницше иллюстрируется доказательством того, что из-за драм Еврипида – друга Сократа – обыватели вышли на сцену, и "мещанская посредственность ... получила теперь право речи" [Ницше, 2001, с. 516-517].

Третий этап становления генеалогического философствования Ницше – лето 1872 – март 1875 года - можно считать завершающим. Как раз на это время приходятся последние существенные новации в методе генеалогического анализа, разрабатываемом мыслителем. Во-первых, это расширение сферы применения генеалогического анализа до границ всего философствования. Ницше теперь стремится учитывать все с виду незначительные перемены, количество которых со временем перерастает в качественный сдвиг, который, вызывает свои многообразные, на первый взгляд, незначительные перемены. "Излюбленная тема времени: большие последствия мельчайших событий. ... Дело в том, что ... большие последствия мельчайших событий выступают именно как последствия *великих*, они приводят в движение лавины" [Ницше, 2007, с. 390]. В работе «О философах» (1872) Ницше открыто постулирует, что при появлении философии "человек ... выходит из жалкого состояния червя, кропотливо роющегося в отдельных отраслях науки; он предчувствует конечное разрешение вопроса о происхождении всех вещей... Философ заставляет звучать в себе все звуки мира и затем передает их в виде готовых понятий" [Ницше, 1997, с. 50].

Во-вторых, это усиление познавательных возможностей применения двух сформулированных Ницше типов генеалогического анализа – анализа с акцентом на историю культуры, и анализа с акцентом на филологию. До такой степени, что эти типы уже способны дополнять друг друга в едином процессе генеалогического философствования. Вот пример, когда Ницше начинает исследование как историк культуры, а завершает как филолог. "Как трудно почувствовать самому хотя бы что-то из античности, надо уметь ждать, пока наш слух не начнет что-то различать. «Человеческое», которое показывает нам античность, не следует путать с «гуманным». У эллинов «человеческое» кроется в некоторой наивности, с какой у них проявляется человек, государство, искусство, общественность, военное и международное право, взаимоотношения полов, воспитание, партии; это в точности то же самое «человеческое», которое мы обнаруживаем повсеместно у всех народов, но ... с такой степенью ... негуманистичности, что их пример особенно поучителен" [Ницше, 2007, с. 496-497]. Вот обратный пример, когда филологический подход в генеалогическом анализе Ницше дополняется историко-культурным подходом. "Очень *сомнительно*, можно ли на основе *языка* делать заключение о национальности и о *родстве* с другими *нациями*; часто (и отнюдь не закономерно) язык-победитель есть всего лишь знак того, что удалось взять верх. ... Собственно греческое есть в гораздо меньшей степени результат врожденной способности, нежели адаптированных институтов и притом с пережитым языком" [Там же, с. 90]. В данной связи показателен сравнительный анализ монументального, антикварного и критического типов подходов к познанию истории, проведенный Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни» (1874) [Ницше, 1997, с. 31-47]. При этом Ницше уже в набросках 1873 года критикует подход системный, общепринятый в научных и философских кругах современной Европы, и проти-

воположный подходу генеалогическому. "Наилучшим способом изучения истории является тот, который дает наибольшие результаты, но для жизни. ... С того момента как факт оказывается результатом логической операции, он больше не имеет влияния и растрчивает все силы на объяснение самого себя" [Ницше, 2007, с. 613]. Чуть ранее он пишет: "В качестве общего правила я предлагаю объяснить историю народов ... чисто материально, по аналогии со сталкивающимися комплексами атомов" [Там же, с. 599]. В работе «О пользе и вреде истории для жизни» Ницше вообще пишет, что системный подход бесплоден и, мало того, опасен. "Надменный европеец..., карабкание вверх по лестнице знания, является для тебя роковым; основа и почва ускользают из-под твоих ног куда-то в неизвестное, жизнь твоя лишается точек опоры и держится только на паутинных нитях, которые рвутся при каждом новом усилии твоего познания" [Ницше, 1997, с. 101-102].

В-третьих, это конкретизация мотивов стремления к предельной ясности, которое по-прежнему свойственно Ницше. С одной стороны, это познание человека. "Многочисленные покровы, в которые мы запряганы, тьма, скрывающая от нас нашу собственную сущность, не дают нам проникнуть в смысл жизни. Мужество, которое необходимо, чтобы знать самих себя, учит видеть существование без драпировок. И наоборот" [Ницше, 2008, с. 34]. С другой стороны, Ницше осознает, что познание смысла жизни предполагает завершенное, цельное и максимально объективное мировоззрение. В письме Мальвиге фон Мейзенбург от 25.10.1874 года он пишет: "я ... не желаю ничего другого, как уяснить себе всю эту разветвленную систему антагонизмов, из которых состоит «современный мир»" [Ницше, 2007, с. 108]. Мыслитель формулирует цель и задачи генеалогического философствования: цель – узнать смысл жизни, а задачи – познать самого себя и окружающий мир. А это, в свою очередь, делает неизбежным наступление момента, когда Ницше окажется перед необходимостью начать радикальную переоценку всех ценностей, и сделает её новым лейтмотивом своего философствования. О наступлении этого момента свидетельствует заметка от марта 1875 года: "Неразвитым остается еще один подход: *понять*, как величайшие творения духа могут иметь фоном ужас и зло; *скептическое* рассмотрение: в качестве прекраснейшего примера, произведенного жизнью, испытанию подвергается античность. Правильное суждение — трудно" [Ницше, 2008, с. 98]. Её можно считать знаком того, что период формирования генеалогического анализа как основы философствования Ницше подошел к концу, что мыслитель уже готов приступить к решению любых познавательных задач.

Если сравнить данную методологию генеалогического анализа Ницше, которая была им сформулирована к апрелю 1875 года, с тем определением генеалогии, которая дается им в предисловии к работе «К генеалогии морали», то окажется, чем между ними нет никакой разницы. Просто в опубликованных работах мыслителя она до сего момента не была четко сформулирована. К тому же, и его письмо Паулю Дойзену от февраля 1870 года [Ницше, 2007, с. 72], и его письмо Георгу Брандесу от 8.02.1888 года [Там же, с. 294] свидетельствуют об одном и том же: как доклад «Сократ и трагедия» (1870), так и предшествующая публикации «К генеалогии морали» работа «По ту сторону добра и зла» (1886), были оценены одинаково. А именно: как совокупность парадоксов и возмутительных мыслей: Ницше оставался верным своему генеалогическому методу философствования. Уже поэтому сомнительна обоснованность утверждений, что философское творчество раннего Ницше не является оригинальным.

Список литературы

- Визгин В. П.** Генеалогия // Теоретическая культурология. М., 2005.
Делез Ж. Ницше. СПб., 2001.
Марков Б. В. Бог, государство и человек в философии Ницше. СПб., 2005.
Можейко М. А., Румянцева Т. Г., Сидоренко И. Н. Генеалогия // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Мн., 2003.
Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм: сборник. 2-е изд. Мн., 2001.
Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров. Утренняя заря: сборник. Мн., 1997.
Ницше Ф. О философах // Там же.
Ницше Ф. Письма. М., 2007.
Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 2007. Т. 7-8.
Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки или Эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии из духа музыки или Эллинство и пессимизм: сборник. Мн., 2001.
Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.
Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2008.
Хайдеггер М. Ницше: в 2-х т. СПб., 2006. Т. 1.
Холлинггейл Р. Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души. М., 2004.
Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб., 2004.